"Я ТАК ДАВНО НЕ ВИДЕЛ МАМУ..."

Рассказ моего собеседника о своей воине необычен во многих отношениях. В отличие от традиционных историй, что довелось слышать из художественных фильмов или канонизированных героев тех дней, тяжелейший, но славный путь которых соответствовал примерной схеме: «попал на фронтгероически воевал - ранение - госпиталь - затем опять передовая или возвращение домой», рассказ Михаила Николаевича Лыхина, восьмидесятипятилетнего жителя пос. Мотыгино, - это история плена, многочисленных немецких лагерей и шестнадцатилетнего ожидания дома.

Фрагментная память ветерана преклонных годов воскрешала события то детально, до мелочей, то годы жизни зияли пустотами. Но уж точно не мне. представителю современного поколения. судить, «что такое хорошо, а что такое плохо». Пожалуй, постараюсь донести рассказ без ретуши, то. что услышал, без попыток восполнить черную сторону той войны.

Вспоминает сам Михаил Николаевич:

- В армию я пошел в 1940 году, когда исполнилось двадцать лет. Из двенадцати призывников Удерейского района я один попал на Дальний Восток в г. Барабаш. Служил в 92-м стрелковом полку радистом. А летом 41-го нашу часть погрузили в вагоны - и на запад. Домой писать нельзя было, но я. проезжая Красноярск, умудрился черкануть записку что было первое и последнее письмо домой во время войны, второе я написал уже после победы.

Но давай все по порядку.

На пятые сутки дороги к фронту мы попали под бомбежку, и утром следующего дня наш эшелон здорово бомбили. Паровоз - в щепки, убило несколько лошадей. Пришлось разгружаться и оставшейся конной тягой, да с разборными 95-ми орудиями мы двинулись на Волховское направление, это в районе г. Ленинграда.

Бои шли с переменным успехом: где мы теснили, где-то нас. Выручала «Катюша», своими реактивными залпами она пробивала бреши в немецкой обороне - и мы туда, если успеем Но немцы моментально пеленговали наши реактивные установки и то наносили артиллерийский, то вели минометный обстрел. На месте не приходилось засиживаться: только займем оборону, окопаемся, как сразу: «Подъем! В колонн) становись!».

Так дошли до г. Волхова, надо было саму реку форсировать. А она, река Волхов, неширокая, что наша Рыбная в \стье. да глубокая. Пришлось перепра-

ву для техники и пушек наводить. Сами кто на чем переправлялись. Только ночью смогли на том берегу оказаться. Дорого нам та переправа далась, река кровавая текла.

С кормежкой худо было, доходило до того, что машинам с продовольствием путь перегораживали: «Пока хлеба не сбросишь - дальше не проедешь». Наказали наших командиров, вроде, прекратили поборы. Воюем дальше. Подкрепление прибыло, в том числе и молодые из Тасеевского района, а подготовки у них никакой, даром, что в новых светлых тулупах. Помню, захлебнулась наша атака. не могли мы поляну перейти. Немец положил нас огнем - головы не поднять, так и пролежали до ночи, лишь в темноте назад отползли, а пополнение наше необстрелянное так и осталось на поляне той вечно.

Той зимой 41 -го мы от Волхова километров на сорок отошли, когда командующий 2-й ударной генерал Власов свою армию немцам сдал. Гак мы и попали в окружение. А снарядов нет, почти все пушки разбиты, кушать тем более нечего. Помирали ребята от голода, выжил я тогда потому: что связным был, иной раз кое-что перепадало. В разбитые деревни ходили в подполье сожженных домов была печеная картошка. но за нее приходилось расплачиваться жизнью, потому что немецкие снайперы держали округ под обстрелом. Так дотянули до весны 42-го.

Все-таки наши командиры решили прорвать окружение. Собрал нас, человек 200 уцелевших бойцов, командир и поставил задачу: «Будем пробиваться вечером к своим, дальше тянуть некуда».

Так и порешили: вечером кто с чем да с криком «Ура!» бросились в наступление Но мало того, что немцы открыли перекрестный минометный огонь, стрелять стали и наши батареи с другой стороны, и в 1 акуто мы кашу попали... Я за лень схоронился, но казалось, что земля

от залпов «Катюши» меня выше того пня подбрасывала - все ходуном. Рев. крики, стоны.

К утру все стихло, и меня тогда, прятавшегося уже в воронке от снаряда, легко ранило - осколок попал в бедро. Все уцелевшие в огне вернулись на свою стоянку. Кольцо окружения сжималось все теснее.

А в один поздний вечер, когда мы на костре кости какие-то вываривали, на свет пламени вывели немцев свои же санитары - их еще раньше в плен взяли, заставив нести на себе раненого фрица. Вот глупо вышло.

- Хенде хох! - приказ из темноты и шмайсерами в нас тычат. До винтовки не дотянуться - так и взяли нас в плен.

До лагеря военнопленных всего пара километров пешего хода оказалось. Привели. Миску баланды - и в березовый околок, обтянутый колючей проволокой. Грязь выше щиколоток, а лечь не моги. Пленных там столько, что не хватало деревьев прислониться - так и сменяли друг друга у березок.

Простояли там недели две. и погнали нас на железнодорожную станцию. Тех, кто не мог идти в колонне, немцы расстреливали на месте. На станции погрузили в вагоны и повезли, как выяснилось, в Эстонию. Прибыли. Ночь скоротали в каменном здании на бетонном полу, утром привели нас в большой лагерь для военнопленных. Там я и получил свой номер 47431 - до сих пор помню, умирать буду - не забуду. Лагерь был разделен на три зоны: для сильно больных, с лет кими ранениями и относительно здоровых. В ту. последнюю, куда нопаз и я. приходили эстонские помя

В эстонском лагере я пробыл около месяца, затем опять нас собирали и направили в Литву. Дали по будке «деревянного» хлеба (да я с собой косточки приберег) - и но вагонам. Дело было уже летом 42-го. Жара. В вагонах, где ехали стоя, стояла неимоверная духота

"Я ТАК ДАВНО НЕ ВИДЕЛ МАМУ..."

и многие, не выдержав четырёхдневной поездки умирали. А в Литве по приезду сразу баню сделали - ведь обовшивели все. Выдали немецкие синие френчи строгого образца, наша-то одежда совсем в негодность пришла, да на груди и бедре две белые буквы вывели: SU (Soviet Union. Советский Союз, значит). В литовском лагере жили в бараках-засыпушках. Гак уж там блохи донимали. Спасало то, что нам баню более-менее регулярно у страивали и к тому же белье перед этим прожаривали.

Как и в Эстонии, набирали нас литовские бауэры на поденные работы: то на ферму, то в поле. А вот однажды забрал нас. человек 12. литовен с немнем: кула идем - сами не знаем, кто в деревянные, как у Буратино. туфли обут, у кого - дощечка к стопе привязана. Пришли в крепость, красовавшуюся на скале, на втором этаже раненые немцы. А нам задача - за ними ухаживать. Делать нечего, пришлось у хаживать. Сами мы на первом этаже разместились. Потом задумали сбежать. Навили себе веревки из простыней, чтобы со скалы спуститься, и в одну из осенних ночей двинулись вшестером в дорогу. Утро шли, день шли. в направлении партизан, что литовец указал; ночью в стогу сена заночевали, а наутро наткнулись на немецкую часть - нас собаки облаяли. По виду легко было догадаться, кто мы такие. Вернули в лагерь, а за побег наказание - 25 резиновых палок. Штаны - долой, перегибают через табурет и ну хлестать, аж мясо срывалось. Пока били, сознание пару раз терял - тогда водой отливают и дальше сечь. После экзекуции больше месяца не мог садиться, да и спал с трудом.

Затем повезли нас на запад Германии, в Рурский угольный район. Это уже был, наверное, 43-й год.

Снова бараки. Но тут и нас. и немцев принялись бомбить американские бомбардировщики: «Аларм!» - кричат немцы. «тревога» по-нашему, и побежали кто куда.

Нам на шахтах почему-то пить давали плохо, и до того доходило, что пили дождевую вол\ из мусорных баков. А в забой гнали плетью, били нещадно - по лицу, по ногам. Не выдержан издевательства какойто наш пленный, ударил надсмотрщика, да убил наповал. Немцы нас строят: «Кто убил? Сознавайтесь!». Молчат пленные, тогда решили каждого через двадцать расстрелять. Мне опять повезло, шестнадцатым в строю оказался.

Или другой случай вышел. Плюнул наш пленный фашисту в лицо. Фриц пожаловался начальству тогда виновного раздели до пояса, к дереву привязали и оставили на ночь комарам на съедение, на общее обозрение. Так на следующий день бедолап не узнать было, глаз не видать. Вряд ли его потом лечили, так и не стало человека.

На шахте я много профессий сменил. Сначала отбойным молотком ставили работать, да сил уж не было не то что уголь долбить, но и крепи полуметровые ставить. Осерчал на меня немец, за немощь мою ударил ногой в грудь. Перевели в слесари, что делать на Родине до войны научился. Немцев помоложе, как я понимаю, мобилизовали на приближающийся фронт. Старики-напарники подобрее были: вздремнуть разрешали. подкармливали домашними харчами, даже лицо велели ржой испачкать, изображая усердный труд.

На последней работе в забое был. уголь на мотовагонетках возил. Помногу часов работать приходилось, так и засыпал на ходу. За опрокинутые вагонетки уже не били, наоборот, сами немцы на помощь бежали.

И вот как-то раз поднимаемся наверх. Что такое? Раньше охрана нас встречала, а здесь ни одного. Глядь - американцы в лагере, негры среди них - добрые мужики. Продовольственную помощь Красный Крест прислал: коробки с галетами, шоколад, урюк, консервы.

Работа закончилась. Но обязали нас

освободители создать отряды со своими командирами, проводить физкультуру и политзанятия. На смену американцам пришли англичане. Условия стали жестче - Красный Крест уж помощь не высылал. Стали домой собираться, и послали гонцов по ближайшим деревням - собрать одежду какую-нибудь, не в немецких же френчах на Родину ехать.

Погрузили в вагоны и двинули на восток. Но доехали только до немецкого города Буна. Тут всех высаживают, на платформе наши солдаты с автоматами. Поселили в шалаши, и давай по одному в комендатуре допрашивать: кто. откуда, как в плен попал. Как выяснили, что я слесарь, направили в гаражи автопарк чинить. Сколько там проработал - не помню, но потребовался завхоз на немецкие склады. Спросили меня, смогу ли? Я согласился.

Не дождался я. корреспондент, когда же Михаил Николаевич о Дне Победы скажет. Да кто ему. находившемуся в плену, на угольной шахте сообщит? Можно только догадываться, что 9 мая! 945 года в лагере были войска союзников второго фронта. Помогавшая в беседе супруга Тамара Иосифовна знала из предыдущих воспоминаний мужа, что бывшие узники лагерей, оказавшись на родной земле, упали на нее в слезах, целуя. Еще бы. Ведь шел уже 1956 год, когда они вернулись домой:

После возвращения сына домой еще несколько месяцев не верила мама моего собеседника, что утром спит ее живой сын, хотя все 16 лет разлуки говорило материнское сердце, заручившись «информационной» поддержкой местной ворожеи: «Жив твой сын, только уж в больно плохом он месте».

И дом тот на ул. Советской, единственный с бревенчатым фронтоном, проводивший Мишу, а встретивший Михаила Николаевича, до сих пор стоит.

Андрей ЗЕНИН.

На снимке: Тамара Ивановна и Михаил Николаевич Лыхины.